

Письма и заметки
Н. С. Трубецкого

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 02-04-16097

П 35 Письма и заметки Н. С. Трубецкого / Вступит. ст. В. Н. Топорова; Подгот. к изд. Р. Якобсона при участии Х. Барана, О. Ронена, М. Тейлор; Пер. предисл. В. А. Плузгяна; Пер. примеч. В. А. Плузгяна и Д. А. Паперно под ред. В. А. Плузгяна; Пер. и ред. указателей Д. В. Сичинавы. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 608 с., ил., разд. паг. i—lxxvi; I—XVI; 1—504, вклейка после с. 218.

ISBN 5-94457-170-5

Письма Н. С. Трубецкого к Р. О. Якобсону с комментариями последнего — это один из важнейших памятников истории отечественной гуманитарной мысли. Переписка двух ученых охватывает период почти в два десятилетия, и именно на это время — 1920-е и 1930-е годы — приходится становление основных парадигм пражского структурализма. Письма Н. С. Трубецкого раскрывают работу той интеллектуальной мастерской, в которой рождались и вызревали идеи, сформировавшие главные направления историко-филологических и лингвистических исследований межвоенного периода и определившие существенные черты последующего развития. В переписке отразились различные этапы работы Трубецкого над его «Основами фонологии», статьями по морфонологии, трудами по славянскому языкознанию и русской литературе. Поразительное богатство мыслей, запечатлевшееся в этой переписке, включает и многие замыслы, к которым Трубецкой так и не успел обратиться. Вместе с тем переписка представляет собой важнейший документ эпохи, дающий возможность увидеть, в каком политическом и историческом контексте развивалась гуманитарная мысль русской эмиграции. Первое издание переписки было подготовлено самим Р. О. Якобсоном при содействии его учеников. Для российского читателя оно оставалось практически недоступным. Между тем книга представляет интерес для широкого круга читателей — филологов, историков, лингвистов и просто любителей отечественного прошлого.

ББК 81

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ Н. С. ТРУБЕЦКОГО

Издатель А. Кошелев

Корректор С. Козлова

Подписано в печать 02.12.2003. Формат 70x100 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная, гарнитура «Times». Усл. п. л. 49,02. Заказ № 9423

Издательство «Языки славянской культуры».

ЛР № 02745 от 04.10.2000. Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: Lrc-kozlov@mtu-net.ru, Lrc@comtv.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-mik.narod.ru>

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография «Наука» 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavica@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-94457-170-5

9 785944 571700 >

© Copyright 1975 in The Netherlands. Mouton & Co. N. V. Publishers, The Hague

© В. А. Плузгян, Д. А. Паперно. Пер. на рус. яз., 2004

© В. Н. Топоров. Вступительная статья, 2004

© Д. В. Сичинава. Пер. и ред. указателей, 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

В. Н. Топоров. Николай Сергеевич Трубецкой — ученый, мыслитель,
человек (к столетию со дня рождения) . . . . . i—lxxvi

Предисловие (*Р. О. Якобсон*) I

Сокращения XVI

I	12/XII	1920	1
II	1/II	1921	4
III	7/III	1921	12
IV	28/VII	1921	21
V	7/XI	1921	25
VI		(1922)	27
VII	12/VIII	1922	27
VIII	1/IX	1922	32
IX	20/XII	1922	36
X	27/XII	1922	40
XI	25/I	1923	41
XII		(1923)	46
XIII	30/III	1923	48
XIV	1/VI	1923	48
XV	21/VI	1923	50
XVI	18/VII	1923	51
XVII	27/XI	1923	57
XVIII	10/I	1924	60
XIX	18/VIII	1924	61
XX	11/X	1924	64
XXI	1/XI	1924	73
XXII	6/XI	1924	74
XXIII	15/I	1925	75
XXIV	10/III	1925	80
XXV	21/IV	1925	82
XXVI	18/II	1926	85
XXVII	19/IX	1926	89
XXVIII	4/X	1926	93

Приложение: Схема фонетических изменений праславянского языка эпохи			
дифтонгоборчества			94-95
XXIX	20/XI	1926	95
XXX	22/XII	1926	96
XXXI	12/I	1927	101
XXXII	23/I	1927	106
XXXIII	10/IV	1927	107
XXXIV	28/VII	1927	108
XXXV	22/X	1927	109
XXXVI	24/X	1927	110
Приложение: Система согласных фонем полабского языка 111			
XXXVII	1/XI	1927	111
XXXVIII		(1928)	113
XXXIX	5/IV	1928	114
XL		(1928)	115
XLI	19/IX	1928	116
XLII	11/XI	1928	118
XLIII	28/III	1929	119
XLIV	16/IV	1929	121
XLV		(1929)	127
XLVI	1/V	1929	128
XLVII	20/V	1929	132
XLVIII	24/VI	1929	132
XLIX	9/VII	1929	136
L	13/VII	1929	138
Приложение: Языки в СССР 138			
LI	18/VII	1929	141
LII	22/IX	1929	142
LIII	19/X	1929	143
LIV	(без даты)	. . . . .	143
LV	2/XI	1929	144
LVI	25/I	1930	149
LVII	25/II	1930	152
LVIII		(1930)	155
LIX	24/IV	1930	157
LX	27/V	1930	157
LXI	8/VI	1930	159
LXII		(1930)	160
LXIII	9/VII	1930	161
LXIV	31/VII	1930	161
LXV	17/VIII	1930	164
Приложение: Замечания к статье "Относительно евраз. язык. союза" . . . 169			

LXVI	8/IX	1930	171
LXVII	3/X	1930	172
LXVIII	12/X	1930	176
LXIX	14/X	1930	180
LXX	11/XI	1930	181
LXXI	20/XI	1930	184
LXXII	10/XII	1930	186
LXXIII	8/I	1931	187
LXXIV	28/I	1931	189
LXXV	1/II	1931	192
LXXVI	4/II	1931	193
LXXVII	21/II	1931	194
LXXVIII		(1931)	197
LXXIX	6/IV	1931	198
LXXX	14/IV	1931	200
LXXXI	7/V	1931	202
LXXXII	8/V	1931	202
LXXXIII	12/V	1931	204
LXXXIV	22/V	1931	205
LXXXV	29/V	1931	206
LXXXVI	8/VI	1931	207
LXXXVII	5/VII	1931	209
LXXXVIII	13/VII	1931	211
LXXXIX	29/VII	1931	213
XC	5/VIII	1931	213
XCI	11/VIII	1931	214
Приложение: 1) Фонологическое описание русского языка			214
2) Замечания к "Фонология слова"			216
XCII	14/VIII	1931	220
XCIII		(1931)	221
Приложение: Копия ответного письма к В. Дорошевскому			227
XCIV		(1931)	230
XCV		(1931)	230
XCV (A)	15/II	1932	236
XCVI	28/IV	1932	240
XCVII	6/V	1932	240
XCVIII	17/V	1932	241
XCIX	25/V	1932	243
C	28/V	1932	243
CI	1/VI	1932	245
CII	4/VI	1932	245
CIII	16/VI	1932	246

CIV	25/VI	1932	246
CV	27/VII	1932	247
CVI	4/VIII	1932	248
CVII	12/VIII	1932	250
CVIII		(1932)	252
CIX	25/VIII	1932	252
CX	9/IX	1932	254

Приложение: Замечания к фонологическому описанию японского языка

Е. Д. Поливанова			255
CXI	29/X	1932	258
CXII	30/XI	1932	261
CXIII	3/II	1933	266
CXIV	21/III	1933	268
CXV	10/V	1933	268
CXVI	10/VI	1933	275
CXVII	10/VII	1933	279
CXVIII	28/VII	1933	280
CXIX	8/VIII	1933	283
CXX	21/VIII	1933	284
CXXI	10/IX	1933	284
CXXII	6/X	1933	285
CXXIII	25/X	1933	287
CXXIV	28/X	1933	289
CXXV	15/XI	1933	292
CXXVI	5/XII	1933	293
CXXVII	10/XII	1933	295
CXXVIII	5/I	1934	296
CXXIX	13/III	1934	298
CXXX		(1934)	299
CXXXI	14/VI	1934	306
CXXXII	22/VI	1934	307
CXXXIII	31/VII	1934	308
CXXXIV	19/IX	1934	308
CXXXV	2/XI	1934	309
CXXXVI	22/XI	1934	312
CXXXVII	25/I	1935	312
CXXXVIII	21/II	1935	320
CXXXIX	7/III	1935	325
CXL	14/III	1935	326
CXLI	30/III	1935	331
CXLII	17/V	1935	333
CXLIII	25/V	1935	338

CXLIV	2/VI	1935	338
CXLV	15/VI	1935	339
CXLVI	20/VI	1935	339
CXLVII	25/VI	1935	340
CXLVIII	25/VI	1935	341
CXLIX	3-4/VIII	1935	341
CL	24/IX	1935	346
CLI	10/X	1935	350
CLII	26/XI	1935	351
CLIII	20/XII	1935	355
CLIV		(1936)	356
CLV	25/V	1936	357
CLVI	1/VI	1936	359
CLVII	11/VI	1936	360
CLVIII	16/VI	1936	360
CLIX		(1936)	360
CLX		(1936)	362
CLXI	26/VII	1936	363
CLXII	1/VIII	1936	364
CLXIII	12/VIII	1936	365
CLXIV	17/VIII	1936	368
CLXV	20/VIII	1936	368
CLXVI	26/IX	1936	369
CLXVII	5/X	1936	370
CLXVIII	2/XI	1936	374
CLXIX	16/XI	1936	376
CLXX	7/I	1937	377
CLXXI	9/I	1937	379
CLXXII	10/I	1937	380
Приложение: Проект фонологической анкеты для языков Европы			381
CLXXIII	16/I	1937	383
CLXXIV	5/II	1937	385
CLXXV	25/III	1937	387
CLXXVI	12/IV	1937	388
CLXXVII	19/IV	1937	390
CLXXVIII	29/IV	1937	391
CLXXIX	4/V	1937	393
CLXXX	20/V	1937	393
CLXXXI	26/V	1937	394
CLXXXII	5/VI	1937	395
CLXXXIII	2/VIII	1937	396
CLXXXIV	25/VIII	1937	398

CLXXXV	20/IX	1937	399
CLXXXVI	20/X	1937	401
CLXXXVII	26/X	1937	406
CLXXXVIII	8/XI	1937	407
CLXXXIX	22/XI	1937	408
CXC	3/XII	1937	409
CXCI	11/XII	1937	413
CXCII	16/XII	1937	414
Приложение: Японские работы по фонологии за 1935—1937 гг.			415
CXCIII	19/I	1938	416
Приложение: Заметки для Фонологического Бюллетеня			417
CXCIV	9/II	1938	422
CXCV		(1938)	423
CXCVI	9/V	1938	425

Письма Н. С. Трубецкого Н. Н. Дурново			427-442
DI	24/II	1925	427
DII	8/III	1925	428
DIII	1/IV	1925	430
DIV	20/X	1925	435
DV	20/II	1928	440

Приложения

I-Ig	Письма Трубецкого		443-466
I	В. Г. Богоразу	(1907)	443
Ia	И. Шишманову	10/V 1920	445
Ib	А. Мейе		
	1	22/VII 1922	449
	2	8/VIII 1922	450
	3	14/VIII 1922	451
	4	10/XII 1922	452
Ic	И. Ю. Микколе		
	1	21/V 1924	453
	2	19/XII 1932	454
	3	19/XII 1933	455
Id	И. Форххаммеру	5/III 1932	457
Ie	Н. ван Вейку	(1934)	463
If	Г-же Мейе	23/IX 1936	465
Ig	Ели Фишер-Йергенсен	30/V 1938	466

II	Н. С. Трубецкой. О расизме (1935)	467
III	Н. С. Трубецкой. Литературное развитие Льва Толстого (1935) .	475
IV	Н. Н. Дурново. К характеристике фонологических соответствий (1930—1931)	480
V	Представление В. Я. Поржезинского историко- филологическому факультету Московского университета для приготовления Н. С. Трубецкого к профессорскому званию.	486
VI	Курсы и семинары Н. С. Трубецкого в Венском университете . .	488

Указатели

Условные обозначения	491
От переводчика	491
Указатель имен	492
Указатель языков	505

Сокращения

АН —	Академия наук (И – императорская, Р – российская)
ИОЛЕАиЭ —	Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
ЛОА (LSA) —	Американское лингвистическое общество (Linguistic Society of America)
НС —	Н. С. Трубецкой
ОРЯиС —	Отделение русского языка и словесности (Академии наук), оно же Второе отделение (II Отд.)
ПЛК (CLP) —	Пражский лингвистический кружок (Cercle Linguistique de Prague)
ПЛО (SLP) —	Парижское лингвистическое общество (Société de linguistique de Paris)
РФВ —	<i>Русский филологический вестник</i>
РЯ —	Р. О. Якобсон
AslPh —	<i>Archiv für slavische Philologie</i>
BSL —	<i>Bulletin de la Société de linguistique de Paris</i>
IF —	<i>Indogermanische Forschungen</i>
MSL —	<i>Mémoires de la Société de linguistique de Paris</i>
RESl —	<i>Revue des études slaves</i>
Sl. a Sl. —	<i>Slovo a slovesnost</i>
TCLP —	<i>Travaux du Cercle Linguistique de Prague</i>
ZslPh —	<i>Zeitschrift für slavische Philologie</i>

Многоуважаемый Роман Осипович!

Очень рад был получить Ваше письмо и конечно буду весьма Вам признателен, если Вы сообщите мне про Москву. В ноябре и в декабре 1919 г. я видел в Ростове прив. доц. Карцевского, который рассказывал мне кое что о научной жизни Москвы, но очень мало, к тому же в Москве он был уже давно. Мне очень было бы интересно узнать как можно больше, по возможности всё. Что случилось с нашими обществами, с Этногр. Отд., Комисс. по Нар. Слов., Диалект. Ком. и О-вом Всеобщей Литературы?¹ Продолжают ли они существовать и в каком виде? Были ли какие нибудь интересные рефераты? Организовалось ли Лингвистическое Общество, о котором незадолго до моего отъезда мечтал Поржезинский?² Далее, — *personalia*. Что поделывают все наши общие знакомые, профессора нашего факультета, далее Ушаков, Дурново (я слышал, что он в Саратове), Н. Н. Соколов, Петерсон, Пешковский, бр. Соколовы и бр. Петровские, Лукьяновский, Яковлев, Богатырев, Богданов, Гордлевский, Елеонская? Правда ли, что умер проф. Л. М. Лопатин, и при каких обстоятельствах?³ Здесь об этом пронесся слух, потом опровергали, а между тем, интересно бы узнать точно, ибо здесь живет его сестра Екатерина Михайловна, которая ничего не знает и беспокоится. Как протекает университетская и вообще научная жизнь? Продолжали ли Вы Ваши научные поездки?⁴ Вышли ли какие нибудь интересные книги по нашей части, выходят ли журналы, напечатаны ли Ваши Верейские материалы и Богатыревские и Яковлевские северные записи?⁵

¹ Этнографическое отделение Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; Комиссия по народной словесности (при указанном отделении); Московская диалектологическая комиссия Российской академии наук; Общество всеобщей литературы. Подробнее о деятельности всех этих организаций во время мировой войны и революции см.: Р. Яковсон и П. Богатырев, *Славянская филология в России за годы войны и революции*, Берлин, 1923 (то же в *Slavia*, I, 1922); *Научные известия Академического центра Наркомпроса*, II, М., 1922, 283 и сл.

² «Лингвистическое общество при Московском университете» было учреждено в апреле 1918 г. по инициативе проф. Виктора Поржезинского, избранного его первым председателем (см. заметки М. Петерсона в *Научных известиях*, II, 287).

³ Проф. Л. М. Лопатин скончался 21 марта 1920 г. (см. некролог в *Научных известиях*, II, 310—313).

⁴ Несколько студентов историко-филологического факультета Московского университета, основавшие в марте 1915 г. Московский лингвистический кружок, организовали интенсивную полевую работу по изучению русских диалектов и фольклора во время летних каникул 1915 и 1916 гг. Оживленное обсуждение экспедиционных планов и программы исследований имело место весной 1915 г. под руководством Н. Н. Соколова и Д. Н. Ушакова и при активном участии НС.

⁵ «Описание диалектов и устного народного творчества Верейского уезда (недалеко от Москвы) было целью совместных исследований П. Г. Богатырева, Н. Ф. Яковлева и Р[.О.] Я[ковсона] в мае-июне 1915 г. ... Обширное собрание наших полевых материалов и исследований собранных сказок и других образцов фольклора пропало (я всё еще надеюсь, что не навсегда), и только краткие тезисы нашего с Богатыревым отчета о поездке, с которым мы выступили на заседании Комиссии по народной словесности осенью 1915 г., уцелели в ленинградских архивах Академии наук» (R. Jakobson, *Retrospect, Selected Writings, IV: Slavic Epic Studies*, The Hague; Paris, 1966, 643). В 1916 г. Яковлев и Богатырев вели интенсивную полевую работу в Яренском уезде Вологодской губернии и Шенкурском уезде Архангельской губернии соответственно.

До меня только дошел слух о диссертации Дурново,⁶ но получить ее так и не удалось. Вообще я страшно изголодался в научном отношении. После всё таки весьма интенсивной научной жизни Москвы за последние годы я попал с начала в абсолютную глушь Кисловодска, а потом в Ростов, где, несмотря на существование университета (в котором я был доцентом и занимал кафедру сравн. языковед.), никакой научной жизни не было и не с кем было и слова промолвить. Здесь в Софии, конечно, лучше, но всё таки не то, что в Москве. Поневоле замыкаешься, привыкаешь работать один, для себя, не делясь ни с кем своей работой и не следя за работой других. Я начал еще в Кисловодске писать диссертацию на тему “Опыт праистории славянских языков”. Это — последствие моего реферата о “Методе восстановления общеславянского праязыка в Очерке⁷ акад. А. А. Шахматова”, который я читал в Диалектологической Комиссии.⁸ Я попытался восстановить историю создания и распада общеслав. праязыка на основании того метода, который я в этом реферате противопоставлял Шахматовскому. Получилась картина довольно интересная. С догмой “Московской Школы” пришлось порвать довольно решительно (разрыв, если помните, намечался уже в реферате), так что Поржезинский⁹ остался бы мною очень недоволен. Впрочем, пришлось порвать и со многими другими догмами: достаточно Вам сказать, что концом общеславянской эпохи я считаю XII в.,¹⁰ и что не признаю в общеслав. праязыке носовых гласных.¹¹ Если моя работа когда нибудь будет напечатана, она, вероятно, вызовет

⁶ Докторская диссертация Н. Н. Дурново («Диалектологические разыскания в области великорусских говоров») была опубликована в 1918 г. в качестве тома VI и VII *Трудов Московской диалектологической комиссии*.

⁷ А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода истории русского языка, *Энциклопедия славянской филологии*, т. 11, ч. 1. Петроград, 1915.

⁸ Ср. рассказ об этом НС из его неоконченной автобиографии: «В 1915 г. вышла книга А. А. Шахматова “Очерк древнейшего периода истории русского языка”, имевшая большое значение для моей научной биографии. Книга была посвящена реконструкции праславянского и древнерусского языков, причем А. А. Шахматов, как верный ученик и последователь Ф. Ф. Фортунатова, действовал всецело в духе своего учителя. Все недостатки методики реконструкции, присущие фортунатовской (“московской”) школе, проявились в этой книге особенно отчетливо. Это произвело на меня тем более сильное впечатление, что вопросы методологии меня всегда живо интересовали. Я написал подробный критический разбор этой книги и изложил свою позицию на заседании московской “диалектологической комиссии”. Мой доклад произвел впечатление разорвавшейся бомбы, так как до тех пор фортунатовская школа в Москве господствовала совершенно безраздельно, и все московские лингвисты безоговорочно поддерживали установки и методологические принципы этой школы. Последовала оживленная дискуссия, в которой представители старшего поколения языковедов выступили против моих взглядов и пытались отстоять шахматовский метод, а младшее поколение приняло мою сторону. Думаю, что мой доклад имел важное значение для развития лингвистики в Москве, поскольку он был первым проявлением отхода от фортунатовских методов реконструкции» (*Grundzüge der Phonologie*, 3-е изд., Göttingen, 1962, 277—278). — В подлиннике по-немецки. — Прим. перев.

⁹ Ф. Ф. Фортунатов был основателем и ведущим теоретиком Московской лингвистической школы, а В. К. Поржезинский, преданный ученик Фортунатова, стал одним из наиболее ревностных хранителей ее традиций. См. его некролог в журнале *Slavia*, IX, 1930/1931, 199—203.

¹⁰ См. ниже, письмо II.

¹¹ См. ниже, письмо III.

ожесточенные нападки со стороны не одних только “москвичей”. И всё таки, там есть кое-какие мысли, которые, надеюсь, получат общее признание. Писать мне было, конечно, очень трудно ибо книг я с собой захватил мало, а библиотека Ростовского Университета представляла из себя по моей части почти Торичеллеву пустоту. Всё же, в общих чертах я закончил фонетику и наметил морфологию. Но тут пришлось эвакуироваться из Ростова, и при эвакуации все мои рукописи и книги остались там.¹² Удалось вывезти только несколько тетрадок с заметками. Теперь я занят восстановлением своей работы. Библиотека здесь недурная, так что дело подвигается, но есть досадные пробелы. Нет напр. самого для меня главного — “Очерка” Шахматова, без которого я иногда, напр. в отделе об ударении (а это была моя главная гордость!) совершенно как без рук. Впрочем, хотя я работаю, но иногда берет отчаяние. Книга получается объемистая, печатать ее на свои средства — невозможно, на казенные же можно — только по болгарски, чего не хотелось бы. Может быть удастся некоторые части напечатать в виде журнальных статей, хотя и журналы то теперь что-то на ладан дышать стали. Сейчас готовлю по французски рассужденьице о системе ударений общеслав. праязыка,¹³ которое попытаюсь отправить к Meillet. Не знаю, что из этого выйдет. Я уже послал ему из Ростова с Карцевским заметки о происхождении некоторых форм славянского склонения¹⁴ (правда, мало обработанные), но он их спрягал под сукно. М. б. завяжу отношения и с Прагой. Во всяком случае, даже если в ближайшее время напечатать ничего и не удастся, я всё таки буду продолжать работать. Устроился я здесь, нельзя сказать, чтобы очень блестяще. Не имея научной степени, а главное, печатных трудов по специальности,¹⁵ я не мог конечно получить здесь при университете ничего кроме доцентуры с весьма низким окладом (1500 левов). К тому же кафедры сравнит. языковедения здесь до сих пор еще не было, и ее учреждают только теперь, при чем титуляром будет, вероятно Ст. Младенов. Я здесь читаю “Уводъ въ сравнителното езиковѣдение съ особенъ огледъ къмъ найглавнитѣ индоевропейски езици” (= введение + сравн. фонет. и сокращенная морфология) 4 раза в неделю от 8 до 9 утра, — в такой час, когда в Москве даже В. Н. Щепкин¹⁶ не рискует назначать курса, — и м.б. поэтому (по крайней мере так я себя утешаю) имею лишь 3-х слушателей. А как устроились Вы? Пишете ли что нибудь, и какие Ваши планы на будущее? Очень буду рад получить от Вас более подробное письмо. За эти годы часто вспоминал о Вас, также и о других наших московских научных знакомых. Между прочим, во

¹² Эти рукописи остались в библиотеке Ростовского университета и погибли во время немецких бомбардировок во второй мировой войне.

¹³ De la valeur primitive des intonations du slave commun [О первоначальном значении интонаций в общеславянском], *RESL*, I, 1921, 171—187.

¹⁴ Эти заметки остались неопубликованными.

¹⁵ К 1920 г. у НС было опубликовано восемь работ в области этнографии и фольклора, но ни одной — в области лингвистики. — См. также библиографию работ Н. С. Трубецкого в сб.: Н. С. Трубецкой, *Избранные труды по филологии*, М.: Прогресс, 1987, 520—524. — Прим. перев.

¹⁶ На историко-филологическом факультете Московского университета В. Н. Щепкин был единственным профессором, начинавшим занятия в 9 утра и любившим подшучивать над опозданиями своего студента Н. С. Трубецкого.

время моих странствий по Кавказу я как то раз попал в Баку в марте 1918 г., как раз во время “восстания мусульман против советской власт”, точнее — в тот недолгий промежуток времени, когда армяне резали татар.¹⁷ Я там был один, бедствовал, заболел тифом и, выйдя из больницы, долго мыкался, чтобы достать разрешение на выезд. Не имея там ни души знакомых и вспомнив, что при последнем нашем с Вами свидании Вы мне говорили, что собираетесь ехать в Баку, я отправился в адресный стол разыскивать Вас. Но адрес, который мне там указали (один из домов Тагиева), оказался неверен, ибо в домовой книге Вашего имени не было и все мои поиски оказались безуспешными. Интересно, были ли Вы тогда в Баку?¹⁸

Если соберетесь писать мне, адресуйте в Университет. Дело в том, что я очень неудовлетворен своей квартирой и имею надежду в скором времени ее переменить, но когда это будет и куда я перееду — не знаю.

Еще раз, очень благодарю Вас за Ваше письмоце и с нетерпением буду ждать более подробного письма.

Уважающий Вас
кн. Н. Трубецкой

¹⁷ Восстание, организованное азербайджанской партией «Мусават», происходило с 29 марта по 1 апреля (по новому стилю) 1918 г.; 30 марта военизированные группы сторонников армянской партии «Дашнакцутюн» предприняли несколько ответных рейдов в азербайджанском квартале Баку.

¹⁸ РЯ был в Баку в начале осени 1917 г. и вернулся в Москву в начале ноября (по новому стилю).

II

София, ул. Шейново 2, 1/II 1921

Многоуважаемый Роман Осипович!

Очень благодарю Вас за Ваши письма, которые доставили мне громадное удовольствие. Благодарю также и за заботу, которую Вы проявили обо мне, мусируя мою кандидатуру перед чешскими учеными.¹ Кажется, Вы даже переборщили. По крайней мере Поливка пишет мне что он много слышал о моем “глубоком знании восточных языков” и заявляет, что “факультет был бы счастлив, если бы в свои члены мог принять такого выдающего (sic) ученого”. К сожалению, список моих печатных трудов состоит из нескольких статей по

¹ Начало двадцатых годов в Чехословакии было периодом стремительного развития университетов (особенно в связи со славянскими исследованиями). Ходатайства РЯ по поводу желательности предоставления места такому одаренному и эрудированному лингвисту, как НС, встретили весьма заинтересованную реакцию ряда чешских профессоров, в частности И. Поливки и О. Гуера.

этнографии, которые я печатал в Этн. Обзор. отчасти еще гимназистом, отчасти студентом.² Полагаю, что комиссия, которая должна будет оценивать мои работы будет очень разочарована, когда увидит, что на самом деле числится пока за “выдающим” ученым. После зрелого размышления я прихожу к заключению, что мне в Прагу ехать не стоит. При легкости моего печатного научного багажа, я могу рассчитывать, вероятно, только на место в провинции, при том даже и там не на профессуру, а на доцентуру. Русский язык я читать не могу, ибо специально над ним не работал, а Вы сами знаете, что это — не ананас съесть, как говорится. Какой же плюс, в таком случае, представляет Чехия по сравнению с Софией? Здесь я получаю очень мало и жалования мне на жизнь не хватает, но и там хватать не будет. При том здесь я занят в университете только 4 часа в неделю (с будущего года 6), а все прочее время свободен и могу пользоваться своим временем для того, чтобы подрабатывать. Заработок здесь в общем найти можно, хотя и трудно, а там, в Чехии, может быть и не удастся найти его. Преимущество Праги составляет конечно библиотека, которая несомненно лучше и полнее здешней. Но в чешской провинции, на которую я только и имею право рассчитывать, этого преимущества нет. В конце концов здешняя библиотека совсем уже не так плоха, здесь есть почти всё, что нужно, и кроме того я имею право выписывать для библиотеки нужные мне книги в общем порядке, на равне с ординарными профессорами. В силу всех этих соображений, я полагаю, что мне, обремененному семьей, которая после моего отъезда из Москвы еще увеличилась рождением второй дочери, положительно не стоит подниматься с места и переселяться в Чехию. От добра добра не ищут. По моему, мне теперь надо главным образом составить себе хотя бы некоторое имя в науке, побольше писать и печатать. До сих пор я работал слишком “по барски”, писал больше для себя, в лучшем случае для прочтения в научном обществе и не давал себе труда отделять для печати. Теперь надо это изменить и писать только для напечатания. Когда у меня накопится известное количество печатных работ и составит известная репутация, — тогда можно будет подумать о перемене университета и переехать куда-нибудь, в ту же Прагу, в Сербию, а то и в Германию, даже в Америку, — не всё ли равно куда, раз нельзя в Россию! А пока надо сидеть там, куда занесла судьба и работать. Во всяком случае, я от всей души благодарю Вас за то, что Вы обо мне подумали и позаботились.

Очень заинтересовала меня комбинация с изданием моей работы, о которой Вы пишете.³ К сожалению, как я уже говорил, рукопись моя осталась в Ростове,

² См.: V. Havránek & R. Jakobson, Bibliographie des travaux de N. S. Troubetzkoy [Библиография трудов Н. С. Трубецкого], TCLP, VIII, 1939, 335.

³ Комиссия, посланная из Москвы в Берлин для обмена научной литературой, пыталась поддерживать русских ученых за границей, приобретая значительное количество опубликованных экземпляров их работ для отправки в Россию. Подобная договоренность сделала возможным издание книги РЯ *О чешском стихе*, напечатанной в Берлине в конце 1922 г.; его предварительные переговоры относительно возможности аналогичным образом издать *Праисторию* НС также имели положительный результат.

а работа была большая, так что восстанавливаю я ее медленно. Чтобы дать Вам некоторое понятие о сути дела сообщу следующее. Я исхожу из того положения, что общеславянский праязык не есть момент, а эпоха, точнее целый ряд эпох. Началом можно считать первые диалектические особенности появившиеся в “праславянских диалектах” (т.е. в тех диалектах индоевроп. праязыка, из которых потом развился общеслав. праязык) к концу индоевропейской праязыковой эпохи. Концом — последние фонетические явления, которые распространились на все славянские языки. Таким явлением надо признать “надение глухих” (ъ и ь), которое во всех славянских языках происходило в общем одинаково. Значит, “эпоха” общеслав. праязыка обнимает собою несколько (по меньшей мере 2½) тысячелетий. При таких условиях, устанавливать общеславянские явления не указывая на то, к какому именно периоду данное явление относится, не группируя эти явления в известном (относительно) хронологическом порядке — совершенно нелепо, так же нелепо, как если бы историк стал отмечать на одной и той же карте границы завоеваний Наполеона и Александра Македонского. Поэтому, я стараюсь установить взаимную относительную хронологию отдельных общеславянских явлений. Как для смягчения задненёбных установлено, что “первое” смягчение произошло раньше “второго”, так можно установить такую же хронологическую последовательность и для других фонетических явлений. В результате я получаю хронологическую схему, синхронистическую таблицу, в которую входят почти все не только общеславянские, но и большинство т. наз. “общерусских”, “общепольских” и т.д. фонетических явлений, ибо многие частные особенности отдельных диалектов общеслав. праязыка возникли еще в такую эпоху, когда явления общие всем диалектам продолжали постоянно возникать. В эту то схему фонетических явлений можно вставить и некоторые новообразования морфологические, между которыми в свою очередь существует своя относительно хронологическая связь, — и т.о. получается картина постепенного создания фонетического и морфологического облика тех диалектов, которые дали начало самостоятельным славянским языкам. Главное дело, не существует резкой грани между “праязыковой эпохой” и эпохой “самостоятельного существования отдельных языков”; история возникновения общеславянского праязыка есть в то же время история его распада. Всю “праисторию славянских языков” я делю на четыре периода. Первый период — эпоха распада индоевропейского праязыка и выделения из среды его диалектов определенной группы “праславянских” говоров; в эту эпоху праславянские явления б.ч. распространяются на несколько других индоевропейских диалектов, особенно часто на прабалтийский, к которому праславянский стоит ближе всего. Второй период — эпоха полного единства общеславянского праязыка, вполне обособившегося от других потомков индоевропейских диалектов, не прodelьвающего с этими диалектами никаких общих изменений и вместе с тем не успевшего еще диалектически дифференцироваться. Третий период — эпоха начала диалекти-

ческого дробления, когда на ряду с явлениями охватывающими общеслав. праязык во всем его объеме возникают и такие, которые распространяются только на отдельные группы диалектов, при чем, однако, такие диалектические явления численно еще не преобладают над явлениями общими и самые диалектические группы еще не успели установить друг с другом окончательных прочных связей (напр. западнослав. группа как единое целое еще не существует, а вместо нее есть две группы, — пралужицколехитская, тянущая к востоку, и прачехословацкая, тянущая к югу). Четвертый период — эпоха конца диалектического дробления, когда явления общие возникают гораздо реже, чем явления диалектические и группы диалектов оказываются более прочными и дифференцированными. — Вся книга делится на две части: Фонетика и Морфология. Фонетика подразделяется на два отдела: Вокализм и Консонантизм (отдел об ударении, если удастся его восстановить, составит третий отдел). Каждый отдел делится на главы по вышеуказанным периодам. Приведу примерное оглавление первой Части.

Отдел I: Вокализм.

Глава I: Первый период: — 1. Изменение $e > o$ в открытом слоге перед ζ . — 2. Трифтонгация дифтонга eu в iou . — 3. Совпадение гласных a и o в одном звуке. — 4. Переход иррациональной гласной в гласные полного образования верхнего подъема. — 5. Изменение кратких узких гласных верхнего подъема в гласные широкие. — 6. Изменение широкого долготного $\bar{e}$ в узкое $\bar{e}$. — 7. Изменение $e > i$ в открытом слоге перед i .

Глава II: Второй период: — 1. Переход $\check{a} > \delta$. — 2. Палатализация гласных заднего ряда в положении после i или смягченных согласных. — 3. Явления конца слова. — 4. Изменение гласных в закрытом слоге перед носовой.

Глава III: Третий период: — 1. Эволюция дифтонгических сочетаний с носовой. — 2. Эволюция дифтонгических сочетаний с плавными. — 3. Эволюция дифтонга oi .

Глава IV: Четвертый период: — 1. Так называемая “депалатализация” (в русском, польском и лужицком). — 2. Эволюция широких гласных верхнего подъема (“ь, ъ”).

Отдел Второй: Консонантизм.

Глава I: Первый период: — 1. Переход $s > \xi > x$. 2. Эволюция индоевропейских аффрикат и среднеязычных. — 3. Эволюция придыхательных согласных. — 4. Первое смягчение заднеязычных. — 5. Некоторые группы согласных (sr , ζr , ps).

Глава II: Второй период: — 1. Прогрессивное смягчение заднеязычных (“закон Бодуэна де Куртене”). — 2. Сочетания из двух взрывных (двух носовых, двух фрикативных).

Глава III: Третий и Четвертый периоды: — 1. Сочетания зубных и губных $s\ j$. — 2. Результаты второго смягчения заднеязычных. — 3. Группы “зубная + l”, “зубная + n, m” и “зубная + p”.

Заключение: Общая картина праястории звуковой стороны славянских языков.

Как видите, работа охватывает всю фонетику. До сих пор я восстановил только две первые главы первого отдела, при чем получилось уже 120 страниц большого формата (почерк мой довольно убористый). Теперь у меня вышла задержка, т.к. приходится ждать выхода из переплетной университетской библиотеки книжки Нича по польской диалектологии,⁴ без которой я не могу приступить к “носовым гласным” (по моему — “сочетания долгой носовой гласной с редуцированной носовой согласной”). Всё же я думаю, что вряд ли закончу первую часть до конца лета. Ко всему прочему присоединяется еще одно обстоятельство. Вследствие моей непростительной печатобоязни и лени у меня накопилось значительное число работ по отдельным вопросам не славянского, а общиндоевропейского языкознания, в которых я существенно расхожусь с обычными мнениями. Т.к. в моей работе мне особенно в первых главах каждого отдела постоянно приходится аргументировать из области индоевропейского языковедения, то я вынужден вставлять эти мои частные исследования в виде экскурсов в самый текст работы. Благодаря этому, книга, и без того уже объемистая, разрастается еще больше, да и сама аргументация страдает, т.к. нарушается целостность впечатления. Поэтому я теперь склоняюсь к тому, чтобы все эти экскурсии сначала напечатать отдельно в виде журнальных статей, с тем, чтобы потом просто на них сослаться. Но это потребует времени. Вот почему я не могу особенно скоро приступить к печатанию своей основной работы.

Вы пишете, что Ваша комбинация с печатанием моей работы возможна только при условии самого скорого приступа к делу. Если так, то боюсь, что ничего не выйдет. А жалко, ибо мне эта комбинация улыбается. Впрочем, я не совсем понял, почему здесь нужно торопиться, а главное к какому приблизительно сроку надо подгонять. Еще один вопрос для меня неясен, об орфографии.⁵ Можно ли писать “по-старому”? По моему, покойный Шахматов большой грех на душу взял, что освятил своим авторитетом новую орфографию. Особенно с апострофами (“под’ем” при “д’ячек”) трудно согласиться,⁶ да и вообще не многим выходит лучше чем до реформы: основная проблема состояла в том, что в кириллице нет буквы для обозначения “о после смягченной

⁴ K. Nitsch, *Dialekty języka polskiego, Język polski i jego historia z uwzględnieniem innych języków na ziemiach polskich* [Диалекты польского языка. Польский язык и его история с учётом других языков на польской территории], Cz. 2, 1915.

⁵ Об истории реформы русского правописания и роли А. А. Шахматова в этом вопросе см.: В. И. Чернышев, Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов — реформаторы русского правописания, А. А. Шахматов: *сборник статей и материалов* / Под ред. П. Обнорского. М.; Л., 1947. Как и его отец Сергей Николаевич Трубецкой, НС был противником реформы, и все его письма к РЯ до 20 ноября 1926 г. написаны в соответствии с нормами старой орфографии.

⁶ Употребление апострофа новыми орфографическими правилами никогда не предписывалось, в действительности нормативным написанием было *под’ем*, но вначале, когда эти правила были еще недостаточно хорошо известны, ошибочные написания с апострофами были широко распространены. Многие типографии просто механически выбрасывали литеру ь из наборных касс.

согласной", а эта проблема и в новой орфографии осталась неразрешенной. Затем, в какой форме может совершиться продажа издания? Ведь книгу во всяком случае было бы желательно выпустить не в одном томе, а по крайней мере в двух частях. Не может ли случиться, что вторая часть не будет оплачена? То же соображение остается в силе и при одностомном выпуске: ведь самое печатание будет длиться очень долго, а оплата типографских расходов обыкновенно в таких случаях производится постепенно; как гарантировать себя от того, что платящая сторона вдруг посреди издания "раздумает"? Вообще я представляю себе дело так, что надо продать *рукопись*, оговорив определенное число экземпляров и право контроля над печатанием. Так ли я понимаю дело?

Теперь о Вас. Вы спрашиваете, можно ли устроиться Вам в Болгарии.⁷ Положение здесь таково. В начале прошлой весны, когда сюда приехала первая партия русских ученых (главным образом, из Одессы), их приняли с распростертыми объятиями. Вскоре однако наступило разочарование. Многие провинциальные русские профессора не постеснялись перевезти сюда традиции своих факультетских дразг и интриг, стали наущничать друг на друга, подкидывать друг другу свинью, словом вести себя так, как принято во многих наших университетах. Болгары к этому не привыкли, и это произвело дурное впечатление. Далее, многие русские оказались очень ловкими по части совмещения должностей, получения льгот (даже концессий) и "побочных заработков", так что иные ухитрились догонять свой доход до 10.000 левов в месяц. Это возбуждало зависть. Заметьте, кроме того, что на русских болгары смотрят вообще слегка как на высшую рассу, и в глазах среднего болгарина всякий русский профессор непременно знаменитость: поэтому студенты, особенно первое время, чрезвычайно охотно слушали именно русских, что опять таки возбуждало зависть. В силу всех этих причин вторую партию приехавших русских профессоров приняли уже гораздо менее радушно. Когда же приехало еще несколько человек (я в том числе), то просто не хотели принимать никого. Некоторые так и уехали. Другим пришлось провозиться несколько месяцев. Мне удалось собрать большинство голосов (и то очень относительное) в факультете только благодаря тому счастливому для меня обстоятельству, что вопрос об учреждении кафедры сравнительного языковедения был давно назревшим боевым вопросом, имевшим свою историю, так что на моей стороне сразу оказалась определенная партия. Кафедры так и не учредили, но в виде компромисса между обеими враждующими сторонами приняли меня доцентом по славянской филологии с правом читать курс сравнительного языковедения, не называя его этим именем, а профессору Младенову, который претендовал на ординатуру по сравнительному языковедению, так этой ординатуры и не

⁷ Вследствие материальных трудностей 1920/1921 учебного года и невозможности найти место в университете РЯ спрашивал у НС, может ли он попытаться искать место в Болгарии или ему следует возвращаться к научной деятельности в Москве, несмотря на известный риск, связанный с таким решением.

дали. По моему глубокому убеждению никого из русских, по крайней мере в ближайшем академическом году, больше не примут. Я говорил о Вас и еще о Н. С. Арсеневе, который писал мне из Кенигсберга, с профессором Арнаудовым, который собственно и способствовал моему избранию, но он подтвердил мое убеждение. К тому же, лектор русского языка здесь уже есть (Ор. Георгиев), и должность эта очень плохо оплачивается. Кафедры русского языка по закону не предвидится. Вы могли бы быть доцентом по славянской филологии (оклад семейному 1500 лв.) или приват-доц. (плата по часам — 40 лв. час, при чем первый год полагается читать 4 часа), но опять таки, повторяю, не в нынешнем году. Мне кажется, что Вам лучше всего было бы использовать Ваше пребывание в Праге для получения там докторской степени. Это есть всё таки кое что, и с этим гораздо легче найти себе применение. Здесь в Болгарии на это тоже очень смотрят, хотя больше, когда дело идет о “чужих”, — “свой” то могут быть и совсем без всякого научного веса. Да и повсюду это повидимому так. Я думаю, что сдать докторский экзамен Вам не будет особенно трудно, конечно, только, если Ваше материальное положение не заставляет Вас уделять всё Ваше время поискам заработка. Во всяком случае, получение докторской степени не есть пустая трата времени, т.к. эта степень даст Вам и материальные выгоды. В Москву же Вы пока лучше не ездите, раз возможность Б. Лубянки не исключена. Конечно, может быть, рано или поздно все туда попадем, но в данном случае лучше уж поздно чем рано.⁸

С большим интересом читал я то что Вы пишете о научной работе в Москве. Действительно, в этом есть что то героическое. Особенно интересно было мне узнать, что так много работали над ритмом. Нет ли у Вас при себе какой-нибудь Вашей работы о ритмике? Вы доставили бы мне большое удовольствие прислав ее мне, хотя бы на прочтение. Я за последние годы, с тех пор как уехал из Москвы, совсем отошел от ритмики. Рукопись моя о ритмическом строе мордовской народной словесности осталась в Москве в доме моего тестя, где теперь военно-революционный штаб, и вероятно пошла на растопку.⁹ Частушки остались в Ростове, очевидно, на то же употребление. Там же осталась маленькая работка о метрике Пушкинских “песней западных славян”, которую я собирался читать в Москве в О-ве Всеобщ. Литературы, но так и не прочел. Так и пошла прахом (точнее, дымом) эти эпизоды моей научной биографии.¹⁰ Очень хотелось бы знать подробнее, в каком направлении велось изучение стиха (русского) и к каким выводам пришли. — Здесь в

⁸ НС перифразирует слова великого князя Константина из драмы Д. Мережковского «Смерть Павла I». Поговорка была очень популярна в то время.

⁹ Некоторые из московских рукописей молодого НС сохранились и находятся в Российской государственной библиотеке. Ср. Приложение I.

¹⁰ Со временем НС удалось опубликовать новые работы на обе эти темы: «О метрике частушки» (*Версты*, II, Paris, 1927, 205—223) и «К вопросу о стихе “Песен западных славян” Пушкина» (*Белградский пушкинский сборник*, Белград, 1937, 31—44). Обе статьи перепечатаны в издании: N. S. Trubetzkoy, *Three Philological Studies, Michigan Slavic Materials*, № 3, Ann Arbor, 1963. — Обе статьи напечатаны также в сб.: Н. С. Трубецкой, *Избранные труды по филологии*, М.: Прогресс, 1987, 371—390 и 359—370. — Прим. перев.

Болгарии стихом мало занимаются. О метрике народной есть небольшая заметка Арнаудова в предисловии к его книге “Фолклорь отъ Еленско” (сборник нар. словесн. из восточной Болгарии). Но Арнаудов, главным образом фольклорист, хотя и с некоторой лингвистической подготовкой. Его фольклористические работы, особенно сочинения о технике народного творчества очень интересны. В следующем семестре он будет читать курс поэтики народной песни, и я м.б. буду его слушать. О болгарской искусственной поэтике и метрике сочинений мало. Я видел какую то книжку о музыкальности творчества Славейкова, но не помню имени автора и не знаю интересна ли эта книга. Постараюсь узнать и, если она заслуживает внимания, пришлю ее Вам. По моему убеждению к болгарскому языку гораздо более подходит метр силлабический чем “тонический”, и стихи Ботева, отчасти Славейкова я ставлю выше Вазовских. Впрочем, не знаю, как Вы относитесь к Коршу,¹¹ не делающему принципиальной разницы между силлаб. и тонич. метрикой. По языку здесь пишется и написано довольно много. Цоневская история болгарского языка,¹² говорят, интересна. Я сам не читал ее, ибо она стоит довольно дорого, а у авторов здесь нет обычая подносить свои произведения. Надеюсь, впрочем, устроить себе даровое получение всех изданий болгарской академии. Очень скучно, что здесь нет настоящих филологических журналов. “Периодическое Списание” болгарской Академии и “Сборникъ за народни умотворения, наука и книжова” выходят раз в год и то с опозданием, и чтобы попасть в них надо ждать очереди иногда 2–3 года. В этом отношении в Праге конечно лучше.

Между прочим, Вы любезно предложили мне перевести какую нибудь мою статью для чешского журнала. Я присылаю Вам одну статейку. Не знаю только как ее озаглавить. Она трактует о некоторых изолированных остатках исчезнувших морфологических категорий в общеслав. праязыке. Если Вам некогда или трудно ее перевести (язык у меня тяжелый, в этом отношении традицию московской школы я продолжаю вполне), то пришлите ее мне обратно; я м.б. переведу ее по французски или по немецки.¹³ Дело во всяком случае не спешное. К стати, по поводу парадигма *мож*: по чешски будет *tižeš*, а как по русски в тех диалектах, которые имеют *хуожа*, *хуочешь*, *нуосишь*? Тоже *муожешь*, или как нибудь иначе? Если правильно мое толкование этого парадигма, то никакой причины для *уо* (да и для чеш. *ů*) здесь нет, ибо перенесения ударения не было и *ј* тоже не было. Разве только аналогия других глаголов с ударением на *о* в первом слоге (*нуосишь*, *хуочешь* и т.д.).

Еще присылаю Вам мою книгу “Европа и человечество”, недавно выпешую

¹¹ Ф. Корш, Введение в науку о славянском стихосложении, СПб., 1907.

¹² Б. Цонев, История на българския език, Т. 1., София, 1919.

¹³ Статья была переведена на чешский язык, однако с началом выхода в Праге нового международного славистического журнала *Slavia* появилась возможность ее публикации в короткие сроки и на русском языке. Статья была напечатана в первом томе журнала (*Slavia*, I, 1922, 12–21) под названием «О некоторых остатках исчезнувших грамматических категорий в общеславянском праязыке».

в свет¹⁴ и уже продернутую одним борзописцем в парижских “Последних Новостях”.¹⁵ Книга эта не имеет никакого отношения к лингвистике, а к этнографии — лишь очень слабое. Но м.б. она всё таки Вас заинтересует, т.к. помнится, мы с Вами в Москве как то говорили об теоретических основаниях национализма.

В заключение еще раз благодарю Вас за Вашу заботливость обо мне и остаюсь искренне уважающий Вас

кн. Н. Трубецкой.

¹⁴ София, Российско-болгарское книгоиздательство, 1920, in-8°, 82 с. — Работа перепечатана также в издании: Н. С. Трубецкой, *История. Культура. Язык*, М.: Прогресс, 1995, 55—104. — Прим. перев.

¹⁵ Русская ежедневная газета, издававшаяся в Париже. В период с апреля 1920 по март 1921 г. ее издателем был киевский адвокат М. Л. Гольдштейн. В марте 1921 г. она сменила владельца и стала органом «Республиканско-демократического объединения» с П. Н. Милюковым в качестве главного редактора.

III

София, ул. Шейново 2, 7/III 1921

Многоуважаемый Роман Осипович!

С громадным интересом прочел Ваше письмо, за которое искренне Вам благодарен. Спешу ответить на то, что повидимому Вас наиболее интересует и что для меня тоже всего важнее.

Вы несомненно правильно поняли смысл и назначение моей “Европы и Человечества”.¹ Эта книга была задумана мною уже очень давно (в 1909-10 г.) как первая часть трилогии, носящей название “Оправдание национализма”. Первая часть должна была иметь заглавие “Об эгоцентризме” и посвящалась памяти Коперника; вторая должна была называться “Об истинном и ложном национализме”² с посвящением памяти Сократа; третья, наконец, под заглавием “О русской стихии” должна была посвящаться памяти Стеньки Разина или Емельки Пугачева. Теперь я заменил заглавие первой части более ярким “Европа и Человечество” и опустил посвящение Копернику, как претенциозное. Назначение этой книги чисто отрицательное. Никаких положительных, конкретных руководящих принципов она давать не собирается. Она должна только свергнуть известные идола и, поставив читателя перед опустевшими пьедесталами этих идолов, заставить его самого пошевелить мозгами, ища выхода. Выход должен быть указан в последующих частях трилогии. В первой же части я предполагал только намекнуть на направление, в котором следует искать выхода. Я признаюсь, что сделал это плохо. Желая дать нечто законченное, я сказал в последней главе больше, чем нужно было, и вместе с тем

¹ В своем пространном письме РЯ обсуждал некоторые стороны концепции НС и интерпретировал его книгу как реакцию на русскую революцию и послевоенное международное положение.

² См. письмо IV, прим. 2.

ничего не сказал. Этим я только дал повод для недоразумений. Существенное в книге — это отвержение эгоцентризма и “эксцентризма” (полагания центра вне себя, в данном случае, — на западе). И главное требование, вытекающее из этого, единственный возможный выход (точнее: направление к выходу) мною указан: это — революция в сознании, в мировоззрении интеллигенции нероманогерманских народов. Без этой революции никакой выход невозможен, и, как я постараюсь показать ниже, то, что происходит сейчас не есть выход, пока революции в сознании не произошло. Сущность революции в сознании состоит в полном преодолении эгоцентризма и эксцентризма, в переходе от абсолютизма к релятивизму. Это есть единственная надежная преграда на пути захватных стремлений романогерманской цивилизации. Понять, что ни “я”, ни кто другой не есть пуп земли, что все народы и культуры равноценны, что высших и низших нет, — вот всё что требует моя книга от читателя. Но, как сказано, это мало понять, это надо прочувствовать, выстрадать, этим надо вполне проникнуться. “Наказ ученику учиться у учителя, но критически к нему относиться”, как выражаетесь Вы, — конечно, плод неудачной формулировки и того, что я вдался в ненужную деталь. Собственно, я только хотел указать на то, что никакая культура невозможна без заимствований извне, но что заимствование не предполагает непременно эксцентризма. Конечно этого можно было и не говорить, и жалко, что я это сказал, ибо это ослабило основную мысль, породив впечатление, будто кроме революции в сознании я указываю еще какие то практические выводы. С этой стороны я сам неудовлетворен концом своей книги, написанным наскоро и при том значительно позднее всей книги. Я хотел, чтобы моя книга поставила читателя перед пустым местом и заставила его поразмыслить над тем, чем эту пустоту наполнить. А создалось впечатление, что я сам пытаюсь наполнить эту пустоту туманным суррогатом. Между тем, наполнение пустоты предполагалось в последующих частях трилогии, при чем это наполнение возможно лишь при условии полного проникновения читателя в реальность пустоты, полной революции в сознании, о которой я говорю. — Чем же наполнить пустоту? Я говорю в своей книге, что всякая оценка основана на эгоцентризме, и что поэтому *из науки* всякая оценка должна быть изгнана. Но в культурном творчестве, в искусстве, в политике, вообще во всяком роде *деятельности* (а не *теории*, каковою является наука) без оценки обойтись невозможно. Следовательно, известный эгоцентризм всё таки необходим. Но это должен быть эгоцентризм облагороженный, не бессознательный, а сознательный, связанный с релятивизмом, а не с абсолютизмом. Я нахожу его в сократовском принципе “познай самого себя” или — что то же — “будь самим собой”. Всякое стремление быть не тем, чем я есмь на самом деле, всякое “желание быть испанцем”, как говорит Козьма Прутков, — ложно и пагубно. “Познай самого себя” есть принцип универсальный, абсолютный и вместе с тем относительный. Этим принципом и надо руководиться при оценке, безразлично идет ли дело об отдельном человеке или о народе. Всё, что

дает человеку или народу возможность быть самим собой, — хорошо, всё, что мешает этому, — дурно. Отсюда вытекает требование самобытной национальной культуры. Это в свою очередь обуславливает различие между истинным и ложным национализмом. Национализм хорош, когда он вытекает из самобытной культуры и направлен к этой культуре. Он ложен, когда он не вытекает из такой культуры и направлен к тому, чтобы маленький по существу неевропейский (нероманогерманский) народ разыгрывал из себя великую державу, в которой всё “как у господ”. Он ложен и тогда, когда мешает другим народам быть самими собой и хочет принудить их принять чуждую для них культуру. “Национальное самоопределение”, как его понимают бывший президент Вильсон и разные самостийники вроде грузин, эстонцев, латышей и проч., есть типичный вид ложного национализма первого рода. Немецкий шовинизм или англоамериканское культуртрегерство — вид ложного национализма второго рода. Наш русский “национализм” дореволюционного периода есть и то и другое. Истинный национализм предстоит создать. Это и есть выход. Направление к нему, — сначала упомянутая революция в сознании, затем творческая работа самопознания и самобытной культуры. Практически разумеется, путь лежит через физическую борьбу, восстание “стонущих племен” и т.под. Но без революции в сознании и без сознательного облагороженного эгоцентризма, словом, без истинного национализма — всё это ни к чему не приведет.

Здесь я подхожу к наиболее интересующему Вас вопросу. Вы спрашиваете: “Разве то, что происходит сейчас, не есть огромное восстание России, влекущей за собою остальные ‘племена, стонущие под игом без различия цвета кожи’ против романогерманцев?” — Инстинктивная, подсознательная сущность *народного* “большевизма”, разумеется, в этом и состоит. Как я выражаюсь в предисловии к русскому переводу Уэльсовой *Russia in the Shadows*³ “у нас в России и в Азии *народный* ‘большевизм’ есть восстание не бедных против богатых, а презираемых против презирающих”. Для русского “народа” слово “буржуй” обозначает не богача, а человека иной культуры, мнящего себя высшим в силу именно своей принадлежности к этой культуре. У азиатов это еще ярче. Всё это так. Но восставшим народом руководят вожди, интеллигенты. И вот, в сознании этих то интеллигентов и не произошла та революция, которую я считаю необходимой. Они продолжают пребывать во власти европейских предрассудков, базироваться на эволюционной науке, на учении о прогрессе и на всем порождении романогерманского эгоцентризма. Они социалисты, а социализм и коммунизм — законные дети европейской цивилизации: тот факт, что Маркс по происхождению не романогерманец, конечно, этому ничуть не противоречит. Коммунистическое государство, как его понимают и хотят строить наши большевики, есть наиболее законченная “обнажен-

³ Первое русское издание книги Г. Г. Уэллса (H. G. Wells, *Russia in the Shadows*) вышло с предисловием НС (см.: *Россия во мгле*, Российско-болгарское книгоиздательство, София, 1920, III—XVI). — Текст этого предисловия приводится также в издании: Н. С. Трубецкой, *История. Культура. Язык*, М.: Прогресс, 1995, 458—466. — Прим. перев.

ная” форма романогерманской государственности. Эти вожди восстания “стонущих племен” не только не дают отдельным людям или народам познать самих себя и стать самими собой, но даже наоборот, заставляют их быть не тем, что они есть, и затемняют их сознание. При таких условиях весь истинный смысл народного движения извращается. Никакого освобождения от морального гнета романогерманской цивилизации не получается. Освобождение от гнета физического — эфемерно и к тому же чисто временно. Представьте себе на минуту, что красной армии удастся прорваться в Германию, и что в этой последней произойдет коммунистический переворот. Какие практические последствия будет иметь этот факт? Ось мира немедленно переместится из Москвы в Берлин. Настоящее коммунистическое государство, как порождение романогерманской цивилизации, предполагает известные культурные, социальные, экономические, психологические и т.д. условия, существующие в Германии, но несуществующие в России. Пользуясь этими преимуществами и отрицательными уроками русского большевизма, немцы создадут образцовое социалистическое государство, и Берлин делается столицей все-европейской или даже всемирной “федеративной” советской республики. Господа и рабы всегда были, есть и будут. Они существуют и при советском строе у нас в России. Во всемирной советской республике господами будут немцы, вообще романогерманцы, а рабами — мы, т.е. все остальные. И степень рабства будет прямо пропорциональна “культурному уровню”, т.е. отдалению от романогерманского образца. Это — в плоскости так сказать материальной. В области же духовной культуры зависимость от романогерманской цивилизации будет еще сильнее, ибо социализм не может допустить других идеологий, кроме определенно канонизированных. Значит, ничто не изменится. Не надо забывать, что хищничество и порабощение не есть свойство каких либо классов европейского общества, а всей романогерманской цивилизации как таковой. Я постарался развить это в V-й главе своей книги. При таких условиях большевизм не только не есть восстание против романогерманцев, но наоборот, самое мощное средство европеизации даже таких народов, которые до сих пор от европеизации уклонялись. Вы говорите о романогерманских низах. Эти низы во-первых так и останутся низами, точно также, как у нас в России, ведь не рабочие же и крестьяне в самом деле управляют. А те, кто из низов пролезет в верх, сами сделаются такими же, как те, кто сейчас наверху. Но и по существу Вы слишком преувеличиваете психологическое различие между низами и верхами в романогерманском обществе. Различие, конечно, есть, но оно совсем другого порядка, чем различие между “Европой и Человечеством”. Нероманогерманским народам нужна новая, нероманогерманская культура. Романогерманским же низам никакой принципиально-новой культуры не нужно, а хочется лишь поменяться местами с правящими классами с тем, чтобы продолжать всё то, что делали до сих пор эти классы: заправлять фабриками и наемными “цветными” войсками, угнетать “черных” и “желтых”, заставляя их